

Юлия Петрашова

*Хитрости
Светки
Ватрушкиной*

Юлия Сергеевна Петрашова

Хитрости Светки Ватрушкиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37665844

ISBN 9785449343062

Аннотация

Судьба расщедрилась на подарки для Светки Ватрушкиной. Нечасто случается, чтобы одной и той же восьмикласснице достались и задорные кудряшки, и легкий жизнерадостный характер, и любовь самого привлекательного парня школы. В какой же момент все пошло наперекосяк? Почему глаза любимого вдруг превратились в льдинки? И как она могла оказаться ночью запертой в сарае посреди заснеженного леса? Света догадывается, что в ее бедах виновата Вероника, и решает вывести негодяйку на чистую воду.

Содержание

ГЛАВА 1: ДРУЖБА КРЕПКАЯ НЕ СЛОМАЕТСЯ	6
ГЛАВА 2: МОЙ ПАРЕНЬ – ЗВЕЗДА	10
ГЛАВА 3: ОПЕРАЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ ВЕРКИ ОТ РОДИТЕЛЬСКОГО ГНЕВА	17
ГЛАВА 4: ДОМАШНИЙ АРЕСТ	23
ГЛАВА 5: ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ У БАБУЛИ	30
ГЛАВА 6: СВИНЦОВЫЙ ДЕНЬ	40
ГЛАВА 7: НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ХУЖЕ ТАТАРИНА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хитрости Светки Ватрушкиной

Юлия Петрашова

© Юлия Петрашова, 2024

ISBN 978-5-4493-4306-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как же это случилось, что я, Света Ватрушкина, заночевала в сарае посреди заснеженного леса? Ведь еще вчера бабушка называла меня «любимым воробушком», а мама сетовала на то, что я мало кушаю. И потом, разве восьмиклассницы ночуют в лесу одни одинешеньки? Нет, они дрыхнут в уютных теплых постелях под крышами родных домов. Ладно. Пусть и не всегда они спокойно спят – восьмиклассницам свойственно по полночи ворочаться с боку на бок, размышляя над вопросами первостепенной важности (например, позвонит ОН или так и не позвонит). Только другие восьмиклассницы уж точно не сидят в одиночестве на корточках, скрючившись у стены, за которой простирается лес.

Хотя, скорее всего, я в том сарае была не одна. Уж очень

подозрительный шорох раздавался за стопкой досок. Мыши. Или того хуже – крысы. Бррр.

Я иногда раздумываю о том, могла ли я замерзнуть до смерти, если бы в ту ночь стукнул сильный мороз. А еще пытаюсь угадать, приходила ли мысль о такой вероятности в голову тому, кто меня запер.

ГЛАВА 1: ДРУЖБА КРЕПКАЯ НЕ СЛОМАЕТСЯ

Здорово, когда есть с кем поделиться. Я сейчас не про домашку по алгебре говорю и не про батончик «Твикс». В конце концов, я же почти ежедневно даю списать домашку Витьке – своему соседу по парте. Да и угостить шоколадкой можно любую девчонку из нашего 8 «Б». Нет, кроме задавалы-Вероники, конечно. Обойдется. Только и знает, что фыркать: «Ватрушка опять вся в мелу. Пфф». Как будто я виновата, что мел прилипает к одежде, стоит мне приблизиться к доске.

Так вот. Я сейчас – про настоящую дружбу. Таковую, когда можно всем-всем делиться – и хорошим, и плохим.

В тот день мне пришлось делиться плохим. Я сидела на подоконнике в школьном коридоре и жаловалась. Нет, я вовсе не плакса-вакса. Напротив, Светка Ватрушкина вечно с улыбкой до ушей, – так многие про меня говорят. Правильно – я не привыкла киснуть и унывать. Только ведь лучшая подруга должна знать, что у меня на душе. Разве не так?

Верка слушала меня и сочувственно кивала.

– И главное, я ж в первый раз в этом году художку прогуляла. А тот несчастный натюрморт с кувшинами я бы в любом случае успела закончить в следующий раз.

Я размахивала руками и громко возмущалась, поэтому вовремя не заметила, как рядом с нами возникла биологичка Ольга Викторовна. Прямо, как из воздуха материализовалась.

– Ватрушкина, мигом слезай с подоконника. Ты ж, девушка. Тебе не стыдно?

Я послушно прыгнула на пол и сделала вид, что просто стораю от стыда. Как только училка от нас отошла, я продолжила горестный рассказ:

– Руслан меня у подъезда перехватил. Хотел сюрприз сделать. Не могла же я сказать: «Извини, дорогой, зря ты прищился. Я иду рисовать кувшины».

– Ну, конечно. Куда там кувшинам тягаться с романтическими объятиями, – съехидничала Верка.

– Руслан зеркалку принес, которую ему на днюху родители подарили. Он мне настоящую фотосессию забаббахал. Кстати, одна фотка, где я валяюсь в кленовых листьях и смотрю в небо, вполне ничего вышла. Я ее на аватарку Вконтакте поставлю.

– А ты знаешь, Светочка, сколько через парк за день собак пробегает? Не догадываешься, что они на листья делают? – Верка закатила глаза и скривила губы.

Разумеется. Верке-то не нужно из кожи вон лезть, чтобы заполучить приличную аватарку. У нее фигура – песочные часы, яркие глаза медового цвета и пухлые губы. Моя подруга Вера расчудесно получается на фотках без всяких

выкрутасов и мучительных поисков ракурса. А то, что у меня парень появился раньше, чем у нее, – так это просто нелепая шутка мироздания.

Я ведь самая обыкновенная девчонка с простенькой мордашкой и карими глазами, как у лабрадора-ретривера. Не страшила, конечно. Но и далеко не королева красоты.

Мой двоюродный брат Иван как-то сочинил про меня стихотворение:

Нос курносый,
Ноги – спички,
И растрепаны косички.
Поэт, ага.

Правда, это еще в пятом классе было. Косички я больше не заплетаю.

– Теперь мама каждый раз в художку звонит и спрашивает у Евгенича, явилась ли я на занятия. Позорище. И как она узнала вообще.

– Ты ж говорила, что с тобой в группе дочка маминой подруги занимается.

– Женька? На нее не похоже. Она когда за мольберт садится, для нее весь мир перестает существовать. Она небось и не заметила, что меня не было.

– А помнишь, ты рассказывала, что Евгенич тебя похвалил за экспрессию цвета на уроке живописи. Если Женя так на рисовании повернута, то могла и позавидовать.

Я задумалась. Логика – Веркин конек. Все у нее всегда

складно получается. «Я думаю на два шага вперед», – говорит про себя моя подружка. Например, два года назад она выбрала хобби – фотошоп. А я как раз только в художку записалась. Что же вышло в итоге? Вера умеет настоящие шедевры создавать, поэтому ее страница Вконтакте пользуется бешеной популярностью. А я? Что я? Рисую кувшины. Кувшинами никого не удивишь. Неужели Вера права, и Женька на меня настучала?

– Подключи дедуктивное мышление, Светочка. Все ведь ясно как божий день.

ГЛАВА 2: МОЙ ПАРЕНЬ – ЗВЕЗДА

Параграф по физике никак не хотел запоминаться. Строчки скакали перед глазами, словно воробьи по лужам. Я поймала себя на том, что читаю абзац уже n-ый раз, но ничего (ничегошеньки!) из него не помню.

«Звони, ну, звони же, звони!», – эта мысль жила у меня в мозгу своей собственной жизнью. Она поселилась там нахалкой, не желающей терпеть никакого соседства.

Я бросила учебник на кровать, подошла к окну и прижалась носом к стеклу. Весь день шел унылый осенний дождик. Меня радовало, что хоть к вечеру он перестал – во всяком случае, в темноте за окном не слышалось больше, как капли отбивают чечетку. Только я все-таки боялась, что Руслан посчитает погоду неподходящей для прогулок. Хмм. Если честно, я бы с радостью понеслась на улицу, даже если бы мой парень позвал меня гулять в ливень. А он все не звонил и не звонил.

Мой парень.

Я подышала на окно и нарисовала пальцем сердечко.

А вдруг Руслан больше не хочет со мной встречаться?

Вдруг он понял, что я самая обыкновенная?

Зачем я ему, когда вокруг столько расфуфыренных кра-

соток – таких, как Вероника, например.

В тот момент, когда я уже собралась уткнуться носом в подушку и зареветь, сотовый заголосил:

It's your world, my world, our world today

And we invite the whole world, whole world to play...

– Привет, Солнышко, – произнес телефон ласковым голосом Руслана. – Пойдем гулять?

Чтобы нравиться парням, нужно быть загадочной, капризной и неприступной. Это ж всем известно. «Ой, не знаю. Погода сегодня препаршивейшая. Может, в другой раз, зай?»

– Через пятнадцать минут на нашем месте? – уточнила я и тотчас расплылась в улыбке.

Ровно через четверть часа я уже скакала по ступенькам каменной лестницы, которая ведет к скверу Карла Маркса. Я честно пыталась притормозить хотя бы на немного. Ведь это классика жанра – парень должен ждать и волноваться, девушка обязана долго крутиться перед зеркалом и опаздывать на свидания. Только у меня почему-то совершенно не получалось тянуть время. Я представляла, что совсем скоро увижу Руслана, и ноги сами несли меня в сквер Карла Маркса со скоростью звука.

Я спешила, чтобы увидеть, как лицо моего парня (моего парня – как приятно произносить эти два слова) озаряется неподдельной радостью. Для меня это было сродни чуду. Неужели я, обыкновенная Светка Ватрушкина, сумела зажечь искорки в глазах другого человека. Да не просто ка-

кого-то там человека, а чертовски привлекательного Руслана из 10 «А», крутого волейболиста, школьной звезды.

Когда наша сборная сражается с командой другой школы, зал во Дворце спорта под завязку набивается девчонками. Готова поспорить на что угодно: большинству из них плевать на волейбол. Я однажды сама слышала, как фифы возле школьного зеркала беседовали:

– Ты завтра идешь любоваться на Петрухина?

– Само собой.

Петрухин – это мой Руслан. Хоть мне и хотелось бы прийти на следующие соревнования по волейболу с брандспойтом и разогнать всех этих поклонниц, вынуждена признать, что любоваться на Петрухина – дело приятное. Мой широкоплечий высокий голубоглазый брюнет производит на девушек неизгладимое впечатление.

Мой, мой, мой!

Я перепрыгнула через последнюю ступеньку. Руслан шагнул мне навстречу.

– А я не поверил, что тебе хватит пятнадцати минут. Свет, ты знаешь, что ты уникальна?

– Уникальна? Ты так считаешь? – я внимательно посмотрела Руслану в лицо, пытаюсь угадать, не шутит ли он.

Он встретил мой взгляд, а потом вдруг натянул мне на уши шапку.

– Ты отит заработать хочешь? – Руслан уже не улыбался.

Зато я снова расплылась в широкой улыбке. Если бы мне

мама про отит сказала, я бы только фыркнула в ответ. Трудно поверить, но иногда бывает очень-очень приятно, когда о тебе заботятся, как о маленькой.

Мы неспешно брели по аллее, взявшись за руки, и слушали тишину. Я давно заметила: после дождя осенью наступают какое-то особенное безмолвие. Как только заканчивается летний или весенний ливень, воздух наполняется пронзительным звоном свежести и обновления. А вот в октябре-ноябре после дождя природа замирает, как будто ей так холодно, что она боится пошевелить листочком или веточкой.

– Руслан, а почему ты решил разузнать мой номер телефона? – в темноте оказалось довольно просто задать давно интересующий меня вопрос.

– Как почему? Чтобы пригласить тебя в кино. Ты что, не помнишь?

– Помню, конечно. Но почему именно меня?

– Потому что ты – солнышко. Я встречал тебя в школе, и мне становилось радостно на душе. Я захотел, чтобы мне было чаще радостно.

У меня даже дыхание перехватило. Я могла бы днями слушать своего волейболиста-романтика. Жаль, что это невозможно. Школа, тренировки... Вот и на следующий вечер после нашей прогулки мне пришлось коротать время дома у Веры. Команда Руслана готовилась к очередному чемпионату и собиралась до позднего вечера дубасить мяч в спорт-комплексе. Значит, все, на что я могла рассчитывать, – это

звонок по сотовому и пожелание спокойной ночи. Эх, тяжела доля подруги спортсмена.

Нет, я очень даже радовалась возможности поболтать с Веркой. Только вот приходилось про себя мантру повторять: «Я сильная самодостаточная личность, и у меня много других интересов, помимо романтики». Это я так себя убеждала, что вовсе не заиклилась на Руслане.

Я взяла с собой к Верке флешку, чтобы подруга помогла мне выбрать фотку для аватарки. Разумеется, еще и похвастаться хотела тем, какую шикарную фотосессию мне устроил Руслан. Хвалиться нехорошо – я в курсе. Но ведь впервые кто-то возжелал запечатлеть меня для истории. Родители не в счет.

Вера загрузила фотографии на комп, и начала их просматривать. Я подпрыгивала от нетерпения и заглядывала ей в лицо, пытаюсь угадать, понравились ей снимки или нет.

Наконец Вера прекратила щелкать мышкой и сказала:

– Вот эта, где ты в листьях валяешься, и вправду ничего. Ты тут, прямо как осенняя фея.

Я чуть в ладоши не захлопала. Именно эту фотку я и хотела поставить на аватарку. Мне казалось, что у меня там глаза – ну, просто нереально выразительные, и взгляд загадочный.

– Только прыщик на лбу виден, если присмотреться, и волосы из-под шапки выбились, как у лахудры.

Чпок. Лопнул, едва коснувшись моего носа, наполненный

тщеславием мыльный пузырь. Нечего было нос так высоко задирать. Тоже мне, фея. Брызги от лопнувшего пузыря попали в глаза. Немного щипало.

– Ничего, – успокоила меня Вера. – Мы сейчас все исправим.

Моя подруга – гений фотошопа. Вскоре от прыщика не осталось и следа, а волосы легли красивой аккуратной волной.

– Ты просто умничка, Вер. Супер. Спасибо! – я все-таки не выдержала и захлопала в ладоши.

Вера вдруг помрачнела и отвернулась к окну.

– Если бы я была умничкой, мне бы не грозила тройка в четверть по физике.

– Тройка? У тебя? Шутишь.

– Нет, не шучу. Я запоролла последнюю контрольную, так что, как ни крути, а среднее арифметическое за эту четверть – три. Мать меня убьет.

Я вспомнила, что последняя перед каникулами физика была два дня назад.

– Может, попросить Иваныча, чтобы поспрашивал тебя дополнительно? Например, завтра после уроков.

– Я уже думала об этом. Сегодня в учительской сказали, что он на конференцию уехал. Вернется в пятницу. Только в пятницу он меня и слушать не станет – четвертные оценки уже будут стоять в журнале.

– Вер, он же знает, что ты хорошо учишься. У тебя ж троек

сроду не было. У него рука дрогнет испортить тебе дневник.

– Ой, Светка, ты такая оптимистка. Что ему до моей статистики? Не смеди.

ГЛАВА 3: ОПЕРАЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ ВЕРКИ ОТ РОДИТЕЛЬСКОГО ГНЕВА

Ночью я долго не могла уснуть – все думала, как же помочь Верке. Я знала, что мать ее, само собой, не убьет. Однако заставит все каникулы учить физику. Факт. Веркина мама насчет оценок строгая.

Я представила: Вера сидит на подоконнике в звенящей тишине комнаты и смотрит тоскливым взглядом на улицу. Она думает о том, что ее одноклассники всюю наслаждаются каникулами —ходят на свидания, гуляют по Почтовому бульвару, зависают в парке. И только она, Вера, торчит дома, потому что учебник физики держит ее там, словно кандалы на ногах опасного преступника.

Душераздирающая картина, нарисовавшаяся в воображении, чуть не заставила меня расплакаться. Только слезы высохли, не успев пролиться, потому что я вдруг поняла, что нужно делать. В тот момент идея казалась мне блестящей.

– Верка, мы подставим тебе задним числом ма-а-аленькую такую, скромненькую пятерку. Физик наверняка не помнит, сколько раз за четверть тебя вызывал, – объявила я подруге, вызвав ее на перемене в коридор.

– Как это подставим?

– Спрячемся после уроков в раздевалке, а потом прокрадемся в учительскую и возьмем журнал.

Вера как-то странно на меня посмотрела и на минуту задумалась.

– А если кто-нибудь увидит? – спросила она.

– Кто? Наши все по домам разойдутся, а если кого чужого встретим, скажем, Марина Викторовна попросила журнал принести. Да и не спросит никто. Вот ты что бы подумала, если бы ученика с журналом в руках в коридоре встретила?

– Что он его тащит в класс по просьбе училки.

– Вот, видишь. Все будет путем, не раскисай!

Я вся такая из себя смелая и уверенная была, пока Верку убеждала. Однако стоило мне взяться за дверную ручку учительской, как я превратилась в зайца. Нет, у меня не выросли длинные уши, и маленький кокетливый хвостик не отрос. Только сердце вдруг заячьим сделалось: забилося, затрепетало.

Я бы, разумеется, предпочла постоять у окна рядом с учительской. Если бы какой-нибудь педагог появился в коридоре, я бы начала надсадно кашлять. Вера бы быстренько покинула учительскую без журнала, и спросила бы у некстати появившегося учителя: «Вы не видели Марину Викторовну?». Притворилась бы, что классную ищет.

– Светочка, сходи ты. Ну, пожалуйста. Это ведь твой план, ты лучше знаешь, как это все проверить.

Веркин аргумент, конечно, никуда не годился, однако я

вспомнила, как здорово я выгляжу на подправленной подружкой аватарке, и согласилась.

В учительской никого не оказалось. Я прикрыла за собой дверь и потрусила на цыпочках к шкафу с журналами. На внутренней боковине шкафа были наклеены бумажки с цифрами, обозначающими классы, так что долго рыться не пришлось. Я в два счета нашла нужный журнал. Книга судеб 8 «Б» стояла на второй полке сверху.

Ты-дыщ! – раздалось за моей спиной.

Я развернулась в прыжке, прямо-таки как заяц, испуганный выстрелом охотника. При этом резко дернула журнал, и он потянул за собой несколько собратьев. Журналы сыпались на пол, а я стояла и смотрела на них, замороженная ужасом.

Я всегда знала, что не получится из меня толковая женщина-кошка. А вот женщина-росомаха – запросто. Или женщина-слониха в посудной лавке.

Способность соображать все-таки ко мне вернулась (ну, надо же!), и я поняла, что раз из-за двери не доносится надсадный Веркин кашель, значит, никто в ближайšie секунды в учительскую не войдет. Я быстро собрала журналы и запихнула их на полку. Размышлять над тем, в каком порядке они стояли там раньше, было некогда.

По пути к выходу из учительской я заметила, что на полу под вешалкой валяется черное пальто. Вот оно-то и напугало меня до полусмерти, свалившись с вешалки в самый непод-

ходящий момент. Я подняла пальто, повесила его на крючок и степенно вышла в коридор. Мол, что вы, что вы – я по делу заходила. Зрителей, чтобы оценить мое актерское мастерство, не нашлось. Только Верка стояла у окна и смотрела на меня как на привидение.

Мы молча направились к лестнице и спустились на первый этаж. Оставалось миновать холл, войти в раздевалку и спрятаться в самом дальнем ее углу – там, где у стены стоит скамейка из спортзала. Я уже даже почувствовала себя в безопасности. И тут в холл вплыли они – Людка и Наташка из нашего класса. Вот про дежурных-то я как раз и не подумала, когда операцию планировала.

– А чего вы все еще в школе? – задала резонный вопрос Людмила, не отрывая взгляда от журнала, который торчал у меня под мышкой.

– Ой, девчонки, мы спешим, нас в учительскую вызвали, – скороговоркой протараторила Вера и потянула меня дальше по коридору – мимо раздевалки.

Мы завернули за угол раньше, чем Люда и Наташка успели открыть рот.

– Молодец, Вер, вроде и про журнал объяснила, но и ничего конкретного не сказала – мало ли кто и зачем нас в учительскую вызвал. Может, у нас оценки спорные, и нас спрашивать хотят дополнительно.

– Если только этих мымр любопытство не замучает, и они не пойдут в учительскую разузнавать подробности.

Мы присели на корточки возле стены и высунулись из-за угла, как два суслика из-за кочки. Долго ждать не пришлось. Девчонки явно спешили – уже через пару минут они устремились к выходу из школы, застегивая на ходу куртки.

– Уфф, ушли, – выдохнула Вера.

Мы сломя голову понеслись к раздевалке. Наконец можно было забиться в полутемный уголок и не опасаться, что нас застукают.

Я достала из сумки сотовый – до конца первого урока второй смены оставалось 15 минут. Всего четверть часа, чтобы завершить авантюру, прежде чем школьные коридоры наводнятся потенциальными свидетелями. Да глупо было бы рассчитывать на то, что на перемене никто не зайдет в учительскую.

Я судорожно листала журнал, пытаюсь найти нужную страницу. Желтоватые листы мелькали перед глазами, как осенние листья при порывистом ветре. Страница с оценками по физике все никак не находилась.

– Дай сюда, – сердито рявкнула Верка и забрала журнал. Нервы.

Вера отыскала нужную страницу и положила журнал мне на колени. Ручку я держала наготове. Пара секунд – и в журнале уже красовалась пузатая и приземистая пятерка, похожая на Григория Ивановича и цифры, написанные его рукой. Оценка скромненько устроилась в клеточке, относящейся к сентябрю, как будто все время там и стояла. Я захлопнула

журнал, и мы снова пошли на второй этаж, поминутно озираясь и вздрагивая от каждого шороха. Я хихикнула:

– Мы похожи на лисиц, которые обчистили курятник и теперь пробираются через деревню в лес.

Верку почему-то моя шутка не рассмешила.

Нам снова повезло – в учительской никого не оказалось. Я вернула журнал на полку, и вскоре мы с подругой уже вдыхали полной грудью холодный осенний воздух.

– Здорово мы это провернули!

– Здорово, – согласилась я.

ГЛАВА 4: ДОМАШНИЙ АРЕСТ

Мы недавно на МХК античный период проходили. Оказывается в то время жил мужик, Квинт Гораций Флакк, который любил повторять: «Мера должна быть во всем!» «Ну и зануда», – подумала я. Однако жизнь-то показывает: он прав. Вот, например, как только почувствуешь щенячий восторг и желание стоять на ушах – знай, облом близко. Я давно заметила, что фонтанирующее через край ликование чаще всего сменяется отчаянием. Почему так? Если верить древним эллинам, то получается, что мироздание не терпит асимметрии и дисбаланса. Равновесие ему подавай.

Мне стоило об этом вспомнить, когда в последний день первой четверти я, захлебываясь от удовольствия, делилась с Веркой планами на каникулы.

– Мы с Русланом поедem на целый день за город: будем жарить шашлыки, гулять по лесу, играть в бадминтон. А еще собираемся в боулинг-клуб и в кино. Мы вчера весь вечер список развлечений составляли.

Верка скривилась, как от зубной боли. Я, наверное, слишком истошно визжала ей на ухо.

– А еще! А еще Руслан захотел познакомиться с бабулей. Сам предложил. Мы купим торт и пойдем к ней прямо завтра.

– С чего это он? – удивилась Вера.

– Руслан хочет подружиться с бабулей, потому что понял: я ее люблю больше всех.

– Больше, чем родителей, что ли?

– Экая ты, Вер. Это все равно, что спросить, кого ты больше любишь: мороженное или котят. Родители – это родители. Я их, понятное дело, люблю. Только любовь ведь разная бывает. Бабушка – это мой островок безопасности. Она всегда за меня. Ей не важно, права я или виновата. Знаешь, как приятно знать: для кого-то ты хорошая, что бы ни произошло.

Верка пожала плечами. Наверное, она меня не поняла.

До самого классного часа отличное настроение оставалось со мной. Даже Вероника со своими подпевалами не смогли его мне испортить.

– Светка сегодня сияет, как начищенный медный таз, – громко, так чтобы слышали все в классе, сказала Танька на большой перемене.

– Рада, что в столовке суп на себя не вывернула в кои-то веки, – откликнулась задавала-Вероника.

Я сделала вид, что ничего не слышала. Зачем обращать внимание на тех, кто того не стоит? Тем более, когда «и жизнь хороша, и жить хорошо».

Я и не подозревала, что хорошо жить мне оставалось недолго.

Тучи начали надо мной сгущаться во время классного часа. Вышло, что я закончила первую четверть с тремя

тройками. Тройки бывали и раньше – случайные, как мы их с бабулей нарекли. Однако тогда речь шла об одной-двух четвертных троечках по алгебре, физике или химии за год. А тут я умудрилась схлопотать все три в первой же четверти. И главное, у меня совсем не было времени, чтобы убедить маму в том, что я их непременно исправлю к Новому году – мать должна была пойти на родительское собрание в тот же день сразу после работы. А по телефону такие разговоры не ведут – бесполезно просить прощения, если твоих честных глаз не видно.

Во время классного часа темные тучи застлали мой сияющий лазурью небосклон. Гроза же разразилась вечером. Мама метала громы и молнии. Я давно не слышала, чтобы она так орала – пожалуй, с того самого дня, когда я впустила в квартиру цыган, и они утащили все, что плохо лежало. А как я могла не впустить? Я услышала звонок, открыла дверь и увидела двух женщин, одна из которых едва стояла на ногах – глаза ее были закрыты, голова безжизненно склонилась на плечо товарки, руки висели, как плети.

– Доченька, пособи. Голодный обморок у нее.

Я помогла довести страдальицу до дивана и хотела уже бежать к телефону, чтобы вызвать скорую. Однако цыганка – та, которая выглядела бодрой и здоровой, – сказала:

– Ой, касатка, ты лучше накорми-ка ее, она враз-то и оживет.

Я ринулась в кухню разогревать суп, котлеты, рагу – все,

что нашла в холодильнике. Только когда я пришла в зал, чтобы позвать гостей к столу, их там уже не было. Новенького плоского телевизора, за который папа продолжал в то время выплачивать кредит, там тоже не было. Позже выяснилось, что пропало еще много чего, просто я сразу не заметила.

Вернувшись с родительского собрания, мама орала так, словно нас опять обчистили цыгане. Я сначала решила, что она из-за злосчастных троек расстроилась. Однако одна из произнесенных с надрывом фраз заставила меня вздрогнуть:

– Я и подумать не могла, что моя дочь способна без спроса рыться в чужих вещах.

Я испугалась, решив, что мама сошла с ума. Наверное, глаза у меня сделались, как чайные блюдца. Мама даже кричать перестала и объяснила, наконец, в чем дело. Оказалось, Марина Викторовна попросила ее остаться после собрания для частного разговора. Она поделилась своим беспокойством по поводу снижения моей успеваемости, а потом заявила, что неудача по поведению я избежала лишь потому, что она, Марина Викторовна, только перед собранием узнала, что я без спроса брала журнал из учительской.

– Я волновалась по поводу четвертных оценок, поэтому решила взять журнал и посмотреть, что у меня по физике и химии выходит, – соврала я, не моргнув глазом.

– Посмотрела и успокоилась? – съехидничала мама.

Я опустила голову.

– Да ты вообще не имела права без спроса в учительскую входить, – закричала мама, как будто кто-то вновь завел пружину гнева у нее внутри. – Марина Викторовна сказала, что ты все журналы местами поменяла. Учителя на следующий день на уроки опаздывали – журналы искали.

Я опустила голову еще ниже. Только мне мое раскаяние ни капельки не помогло – мама решила, что я качусь по наклонной, что меня интересуют только мальчики (несправедливо! только один мальчик – Руслан), и что меня нужно безотлагательно спасать.

Домашний арест на все каникулы – таков был приговор. Вовсе не Вера (которая, кстати, благополучно получила в четверть четверку по физике), а я сидела в квартире, как пригвожденная. Папа нашел в интернете кучу задач по алгебре, физике и химии, чтобы я на каникулах не скучала. Здорово меня эти задачки развлекали, ага. Прямо до зубовного скрежета. Пришлось решать, куда деваться то – папа каждый вечер проверял, как я поработала.

Только большую часть дня я все-таки бездельничала – сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела в окно. Как назло, солнце светило ярко и задорно, словно к нам пожаловал не ноябрь, а сентябрь. Рыжие лучи, как будто дразнили меня: «Выходи, ну, выходи же! Смотри, как тут у нас весело!»

А мне было совсем не весело. Мама и слышать не хотела о Руслане.

– Эта романтическая история тебя до такой жизни и довела, – утверждала она.

Приходилось довольствоваться телефонными разговорами.

– Не раскисай, Солнышко, – подбадривал меня Руслан. – Неделя пролетит быстро.

– Ага, и неделя, и каникулы, и последние сухие теплые денечки, – канючила я.

Хорошо, хоть мама не запретила, чтобы меня Вера навещала, а то бы – совсем тоска зеленая. Правда, Верка один раз только пришла. Но для меня ее визит был как глоток свежего воздуха.

– Мне так стыдно, что ты из-за меня пострадала, – проговорила она, сдвинув брови домиком. – Спасали то мы тебя, а наказана ты. Я ночами не сплю, все думаю, как же ты, наверное, переживаешь из-за того, что ваши с Русланом планы накрылись медным тазом.

Мне даже жалко ее стало. Надо же – ночами не спит. Повезло мне с подругой.

– Вер, ну, во-первых, я наказана не только из-за истории с журналом, но и из-за собственных троек. А во-вторых, не все планы накрылись этим самым тазом.

– Да-а-а? – протянула Верка.

– К бабуле то мама мне, я думаю, не запретит навеститься. Вот там мы завтра с Русланом и встретимся. И тортик, и знакомство – все будет, как мы задумали.

Здорово! – порадовалась за нас Верка.

А я схватила большого голубого мишку – давнишний подарок бабули – и обняла его крепко-крепко.

– Зав-тра я у-ви-жу Рус-ла-на! – мечтательно проговорила я.

ГЛАВА 5: ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ У БАБУЛИ

Как я и предполагала, мама ничего не имела против того, чтобы я навестила бабулю.

– Сходи, конечно. Бабушка по тебе скучает.

Я бы поступила намного умнее, если бы организовала долгожданное знакомство Руслана с бабулей в рабочий день. Тогда бы я точно знала, что родители на работе, и шансов, что наш заговор будет раскрыт – ноль целых, ноль десятых. Только мне пришлось всю неделю уговаривать-умасливать Руслана. У него прямо-таки необъяснимый бзик какой-то на честности. Он органически не переваривает уловки, увертки и хитрости.

– Солнышко. Ведь твой домашний арест уже вот-вот закончится. Мне не нравится начинать знакомство с твоей семьей с обмана.

– Я просто не могу, слышишь, не могу без тебя! Вот прямо и дня больше не вытерплю! – заявила я.

Руслан понял, что я в отчаянии, и согласился. Только к тому времени уже пятница наступила. Ничего не оставалось делать, кроме как собираться к бабуле в субботу на виду у родителей, а это грозило провалом затеи – уж слишком тяжело мне давалось притворство. Ведь я хотела петь и плясать,

а приходилось завязывать шарф и натягивать ботильоны, сохраняя будничное выражение лица.

Наконец дверь за моей спиной захлопнулась. Я резво помчалась по лестнице, выскочила из подъезда, как пуля, и побежала вдоль улицы к перекрестку. Руслан ждал меня за поворотом.

Как же я соскучилась по этим голубым глазам с умопомрачительным прищуром!

Если бы дело происходило в сквере Карла Маркса (мы уже давно называли его «нашим») под покровом темноты, я бы обняла Руслана крепко-крепко, так чтобы у меня косточки захрустели. При свете дня я на такое не отважилась – рядом с нами то и дело проходили люди, и среди них вполне могли оказаться знакомые, ведь мы с Русланом встретились в двухстах метрах от моей пятиэтажки.

Однако за руку я его все-таки взяла, и сразу же почувствовала, как Руслан ласково сжал мою ладонь. Мне показалось, что еще немного и мое сердце лопнет от переизбытка чувств.

Мы перешли улицу и дождались троллейбуса. В тройке, которая ехала в бабулин район, было полно свободных мест. Я угнездилась в середине вагона у окошка, Руслан сел рядом. Троллейбус вез нас по осеннему городу, мимо разномастных домов и стыдливо прикрывающихся последней листвой деревьев, а мы молча смотрели то в окно, то друг на друга и улыбались.

– Свет, у тебя кудряшки светятся, как нимб у ангела, –

прошептал мне на ухо Руслан.

– Это потому что я против света сижу, – засмеялась я.

Мне, наверное, достался последний романтик в этом городе. Кто еще мог сравнить с ангельским нимбом мои непокорные лохмы, которые все время норовят выбиться из-под шапки и нелепо растопыриться. Ми-ми-ми.

Дорога не заняла много времени, и вскоре мы уже звонили в квартиру №118 на Орловской улице. Бабуля встретила нас такой нарядной и элегантной, словно собралась в театр. Она заколола высоким узлом свои идеально покрашенные махагоном волосы, надела жемчужно-серое платье в пол и приколола к груди изящную брошку-стрекозу – ту самую, которую я подарила ей в этом году на 8 марта. Украшение здорово подходило к жемчужному платью, и я снова порадовалась, что полгода откладывала из карманных денег и купила бабуле такую прелесть.

Руслан будто примерз к порогу. Мне пришлось втянуть его за руку в пахнущую выпечкой и корицей квартиру. Он потом объяснил, что это его так моя бабуля поразила. Руслан представлял ее себе типичной старушкой в платочке, а тут вдруг дверь открыла настоящая дива.

Да, моя бабуля – просто блеск. Если я когда-нибудь вдруг тоже стану пенсионеркой (не может быть, конечно, но вдруг все-таки стану), то пусть я буду такой, как бабуля.

Вместо посиделок с соседками на лавочке у подъезда – йюга. Вместо кошек, которых так любят подкармливать ста-

рушки, вокруг бабули вечно вертятся поклонники. Вместо жалоб на жизнь – десятки увлечений, начиная от росписи по стеклу, заканчивая классическими танцами.

– Раздевайтесь, гости дорогие, а я пойду булочки из духовки вынимать, – с улыбкой сказала бабуля и оставила нас одних.

Я сразу сообразила: она заметила, что Руслан смущается, и дала ему время освоиться. Вот бы мои родители были такими тактичными и понимающими. Так нет же – если бы мы с Русланом пришли ко мне домой, они устали бы на него, как на чудо заморское, и с порога забросали бы вопросами.

– Проходите в зал, я сейчас приду, – крикнула нам бабуля из кухни.

Первым, что я увидела, как только мы вошли в зал, был столик у дивана. Чебуреки и жареные пончики, мой любимый морской салат и куриные кармашки с ананасом... если бы я заявила к бабуле без Руслана, то непременно начала бы скакать на одной ноге и хлопать в ладоши. При Руслане я так себя вести не рискнула. Еще не дай бог, он бы решил, что я – не взрослая самостоятельная девушка, а обыкновенная малолетка.

А Руслан, сразу же как вошел в комнату, фотографию деда на стене заметил: дедушка Гриша улыбался на фоне белоснежных горбов Эльбруса.

– Кто это?

– Дедушка. Он полжизни в горах провел, там и погиб

за десять лет до моего рождения.

– Григорий Олегович альпинизмом увлекался, – пояснила бабуля.

Она вплыла в зал с подносом в руках, и комната сразу же наполнилась запахом ванили.

– Мы с папой и братом год назад совершили восхождение на Эльбрус, – сообщил нам Руслан.

Бабуля пристально на него посмотрела, и мне показалось, что Руслан вдруг вырос в ее глазах. Во всяком случае, от снисходительной улыбки и смешинок в глубине зрачков не осталось и следа.

– До самой западной вершины добрались? – спросила она.

А я подумала, что совсем мало знаю о своем парне. У него, оказывается, настоящие приключения за плечами, а я, балаболка, думала заинтересовать его рассказами о том, как ходила с классом в поход, или как мы с Веркой искали ее кота на чердаке, или как мне надоело рисовать кувшины в художественной школе. Как будто не могла поведать что-нибудь увлекательное! Сочинила бы уж что-нибудь, по крайней мере.

Пока я предавалась самобичеванию, Руслан с бабулей разговорились – да так, будто были сто лет знакомы. Они жонглировали незнакомыми мне словами, словно цирковые артисты шарами. Мульда, траверс, зацепка...

– Кхе, кхе, – напомнила я о себе.

– Ох, что это я вас голодом морю! – спохватилась бабуля.

Мы с ней уселись на диван, а Руслан сходил на кухню за табуреткой и устроился напротив. Разговор о восхождениях продолжился. Бабуля рассказала, как дедушка Гриша однажды попал в буран на седловине Казбека. Я и раньше слышала эту историю, но снова боялась дышать, когда представляла эту страшную картину: из-за дикого ветра и снегопада дед и его спутники не видят друг друга на расстоянии нескольких метров, и каждый шаг воспринимают как последний.

Потом Руслан по просьбе бабули поведал о своих альпинистских впечатлениях, и я даже перестала наворачивать любимый морской салат. Оказывается, мой парень умеет пользоваться ледорубом, крепить палатки в скалах у обрыва и бороться с наступающей на горло горной болезнью.

Руслан говорил о сказочно красивых видах Приэльбрусья, заснеженных склонах, словно нарисованных на безупречно чистой лазури, суровых скалах и облаках, проплывающих где-то внизу, и глаза у него горели сильнее, чем в тот день, когда наша волейбольная команда выиграла Кубок области. Его лицо освещало внутреннее сияние, которое делало Руслана просто нереально привлекательным. Я любовалась своим парнем и чувствовала, что я самая счастливая девчонка на свете.

Как только я подумала, что я самая счастливая, в дверь позвонили. Бабуля пошла открывать. Она скрылась в коридоре, а Руслан подскочил с табуретки, чтобы чмокнуть меня в нос, а потом в щеку.

– Ты чудесная, Светка! – шепотом сказал он. – И бабушка у тебя тоже чудесная.

Я расплылась в улыбке и не смогла сразу стереть ее с физиономии, даже после того как в зал ворвалась разъяренная мама.

– Та-а-ак, – протянула она. – Ты, как я вижу, становишься опытной мошенницей.

Мама смотрела на меня в упор с искаженным от гнева лицом.

«Не надо, прошу тебя, не надо», – умоляла я ее взглядом. Только уж слишком она разозлилась.

– Конечно, – выплевывала мама слова. – Обманывать тех, кто тебе доверяет, – чего проще.

Я вжала голову в плечи.

– Бабушку она навестить хотела. А у самой одни свидания на уме. Результат уже есть: полный дневник троек.

Я чувствовала, как удушливая волна катится по лицу. Катится, катится, опускается к горлу, душит. Я боялась взглянуть на Руслана, боялась увидеть в его глазах разочарование или, может быть, даже презрение.

– Ирочка, зачем ты так, – бабуля попыталась урезонить маму, но ту было не остановить: она кричала, пророчила мне ужасное будущее, обещала всевозможные наказания.

– Марш домой, врушка! – гаркнула родительница.

Я поняла, что сейчас разревусь – разревусь от унижения, как детсадовский малыш, которого воспиталка отшлепала

по голой попе при всей группе.

Я вскочила с дивана, побежала в бабулину спальню, захлопнула за собой дверь, бросилась на кровать и зарылась лицом в подушку. Рыдания сотрясали тело, внутри меня что-то дрожало и норовило разорваться в клочья.

Не знаю, как долго я плакала. Время потеряло всякое значение. Все потеряло значение. Разве после такого позора живут?

Вдруг я почувствовала, как кто-то гладит меня по волосам. Я приподняла голову – на кровати сидела бабуля. Я уткнулась лицом ей в колени.

– Ну, будет, будет. Все ушли. Все прошло, – успокаивала она меня.

– Почему так? – гундосила я, всхлипывая. – Другие совершают бесчестные поступки, и хоть бы что. А мне стоит только капельку схитрить, и ложь тут же раскрывается.

– Это хорошо, Светочка, – отвечала бабуля, продолжая гладить меня по волосам. – Вселенная не наказывает тех, кого уже не исправить. И они теряют последний шанс. Да... последний шанс.

Я ничего не поняла про последний шанс и еще долго поливала слезами бабулино платье, но, в конце концов, успокоилась и даже подумала, что (вряд ли, но вдруг!) жизнь моя еще не кончена. Бабуля напоила меня чаем с мятой и уверила: Руслан мне непременно позвонит. Домой я возвращалась с припухшим лицом и красными глазами, но уже без отчая-

ния в сердце.

Я проскользнула к себе в комнату, как самая крошечная на свете мышка. Мать на кухне гремела посудой, папа в зале смотрел телевизор. Меня никто не тревожил до самого вечера. Ночью, когда я лежала, свернувшись калачиком под одеялом, дверь в комнату тихонько открылась, и вошла мама. Она присела на краешек кровати, и мы немного помолчали.

– Свет, ты прости, я погорячилась сегодня, – сказала она.

– И ты меня прости, – выдавила я из себя.

Потом мы поговорили и наконец-то услышали друг друга. Ну, не чудо ли? Ведь в продолжение всего минувшего дня у нас это совсем не получалось – мы, кажется, слышали только самих себя. А ночью, в темноте, наверное, обострился слух, как у кротов.

Я поняла, что мама взбеленилась вовсе не потому, что я осмелилась послушаться и назначить свидание Руслану. Она просто испугалась. Ей померещилось, что я становлюсь настоящей обманщицей. Я ведь три раза кряду поступила нечестно – сначала соврала, что была на занятиях в художественной школе, а сама гуляла в парке, потом стащила журнал из учительской, а теперь еще это тайное свидание. Конечно же, ей не стоило беспокоиться из-за мелких безобидных хитростей. Только вот мама считает, что из мелких хитростей вырастает большая ложь. Взрослые вечно преувеличивают. Но, по крайней мере, она пообещала, что если ей опять понадобится меня как следует отчитать, в следующий

раз она сделает это без свидетелей.

ГЛАВА 6: СВИНЦОВЫЙ ДЕНЬ

Первый день новый четверти выдался хмурым и ненастным. И дело было не только в том, что с утра зарядил монотонный ноябрьский дождь, а свинцовое небо норовило упасть и придавить меня своей тяжестью. Весь день обернулся изматывающей чередой неприятных, хотя и закономерных происшествий.

Разумеется, по дороге в школу я, как всегда, не пропустила ни одной лужи. Сама удивляюсь, как мне это удается. Сапоги и даже колготки покрылись грязными потеками. Вот и вышло, что я стояла у раковины, пытаюсь привести себя в порядок, когда в школьный туалет заявила задавала-Вероника со стайкой приближенных.

– Вау! – воскликнула она. – Светка не иначе как перед школой подрабатывает на ферме – коров доит. Ты бы тогда переодевалась после смены, что ли.

– Некогда было, – ответила я. – У нас одна корова сбегала, и мне поручили ее найти. Так что отправляйся-ка ты в стойло.

На секунду я испугалась, что Вероника лопнет от возмущения. Надо же, ее, изящную статуэтку, не ведающую вкуса пончиков и шоколадок, обозвали коровой. Ой-ой-ой! Сначала она открывала и закрывала рот, точно безмозглая рыба, выбросившаяся на берег, а потом взвилась на месте – так,

что белобрысая грива взметнулась вверх. Секунда, и Вероника фурией выскочила из туалета. Фрейлины засеменяли следом.

До чего же некоторые не любят, когда с ними поступают так, как они привыкли поступать с другими.

Я отчистила сапоги, оттерла, как смогла, пятна на колготках и побрела на урок. Кошки на душе не просто скребли. Мои кошки нервно фыркали и бешено крутили хвостами из стороны в сторону.

Я ни капельки не сомневалась, что Марина Викторовна не забыла за каникулы про историю с журналом. Память у нашей классной, как отлично оборудованная кладовка. На нижних полках – так, чтобы всегда были под рукой – лежат знания по алгебре и геометрии. Чуть выше – стоит лишь приподняться на цыпочки, и достанешь – расположены пронумерованные и проанализированные данные о нас, школьников. Еще выше – чтобы дотянуться, понадобится скамейка – расставлены интересные истории, притчи и мудрые мысли, подходящие к всевозможным ситуациям. Что расставлено на верхних полках – не рассмотреть. Только отчетливо видно, что полок очень-очень много – они тянутся до самого потолка. В любой момент Марина Викторовна может взять стремянку и отыскать то, что ей нужно.

Еще в коридоре, я услышала: наш 8 «Б» гудит, как улей. Если бы классная была в кабинете, мои одноклассники бы так не шумели, факт. Я приободрилась, решив, что неприят-

ный разговор откладывается.

– Света, мне нужно с тобой поговорить, – раздалось у меня за спиной.

Я вздрогнула и обернулась. Марина Викторовна приглашающим жестом указывала на окно напротив кабинета. Я сначала решила, что она мне подсказывает, как избежать нагоняя (второй этаж всего-то), но потом сообразила: классная просит отойти с ней к окну.

– Света, как бы ты назвала человека, который без спросу рылся в чужом шкафу?

Ох, и пропесочила она меня. Каждый ее вопрос заставлял мои щеки пылать все ярче и ярче. Хорошо, хоть Марина Викторовна поверила, что я просто хотела посмотреть свои оценки. Если бы она узнала правду, то спросила бы:

– Света, а ты знаешь, как называется статья уголовного кодекса, в которой говорится о подделке документов?

И что бы я тогда ответила?

Когда я входила в класс, то, наверное, была похожа на человека, только что выскочившего из парилки. Наши даже гудеть перестали. Впрочем, может быть, они потому перестали, что Марина Викторовна тоже в класс вошла.

Я заняла свое место рядом с Витькой и обернулась, чтобы увидеть Веру. Подруга смотрела на меня, сжав губы и слегка наморщив лоб, – мне сразу стало ясно: она за меня волнуется. Верка умная, она мигом просекла, почему я вплыла в класс вместе с Мариной Викторовной, и почему была при

этом такая красная.

Вера мотнула головой в сторону первого ряда, и я снова поняла ее без слов. Она мне указывала на Наташку с Людской. Мол, «сидят голубушки, и дела им нет, что тебе по их милости влетело».

После урока, как только Марина Викторовна вышла из класса, я ринулась к парте «голубушек». Кошкам, которые скребли у меня на душе все утро, очень уж хотелось выпустить коготки.

– Стукачки несчастные, – фыркнула я.

Девчонки как-то странно на меня посмотрели – их глаза совершенно синхронно округлились, а рты приоткрылись, будто бы они и не поняли о чем речь.

– Ватрушкина, ты взбесилась? – после секундного замешательства спросила Наташа.

Мне стало противно наблюдать, как они комедию ломают, поэтому я развернулась и пошла к выходу. Возле двери я остановилась и оглянулась. Людка любовалась своим новым маникюром с клубничками, а Наташка встретила мой взгляд и постучала ручкой себе по лбу.

«Ну надо же, какие притворщицы!», – возмутилась я про себя и вышла в коридор.

Следом за мной из класса выскочила Верка.

– Что ты Марине сказала? – спросила она.

– Что хотела взглянуть на свои оценки, – успокоила я подругу.

– Не понимаю таких людей, как Людка и Наташка, – сменила тему Вера. – Зачем было бежать классной ябедничать, что мы журнал брали? Им-то какое дело.

– Они, наверное, только про меня рассказали. Тебе ж не влетело.

Верка отвернулась. Может, чтобы я не заметила, как сильно она расстроена. Или в окно что-то интересное увидела. Я тоже посмотрела в окно. По-прежнему шел дождь. Тополь сердито грозил когтистыми пальцами проплывающим мимо серым тучам.

– Да ну их, – сказала я. – Просто теперь буду знать, что Наташке и Людке доверять нельзя. Вот и все.

ГЛАВА 7: НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ХУЖЕ ТАТАРИНА

Вечером меня ждал сюрприз. Мама вернулась с работы и привела с собой дочь тети Оли – ту самую Женьку, с которой я в одной группе художественной школы занимаюсь. Раньше я ничего против Женьки не имела, несмотря на то, что мама ее все время до небес превозносит.

– Женя – собранная и аккуратная.

– Женя никогда не приходит из художественной школы перепачканная красками.

– Женя – круглая отличница.

И так далее, и тому подобное.

Но если уж честно, Женька – девчонка не вредная, как некоторые (Вероника, например, ага). Я часто забываю дома то стирку, то уголь, а у Жеки всегда есть запасные принадлежности. Она никогда не отказывает, если я прошу дать мне списать материал к семинару по истории искусства. В общем, я считала ее безобидной пай-девочкой. Только вот Вера сказала, что никто, кроме Женьки, не мог наябедничать маме про мой прогул. С другой стороны, не исключено, что мама сама позвонила Виктору Евгеньевичу за чем-нибудь – так и выяснилось, что я в художку не явилась. А может быть, Евгенич позвонил нам домой, чтобы узнать, не заболела ли

я. Мама-то не призналась, кто ей информацию слил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.